

УСТАВЫ ДУХОВНЫХЪ СЕМИНАРІЙ

1867 и 1884 г.г.

Въ виду ожидаемаго преобразованія духовныхъ семинарій не бесполезнымъ является выясненіе отличительныхъ особенностей стараго семинарскаго устава 1867 г. и дѣйствующаго устава 1884 г. Главнѣйшія изъ этихъ особенностей касаются а) власти архіерея надъ семинаріей, б) состава семинарскаго правленія, в) порядка назначенія служащихъ въ семинаріи лицъ и г) учебнаго курса семинаріи.

Предварительно утвержденія семинарскаго устава 1867 г. проектъ этого устава былъ разосланъ по епархіямъ для разсмотрѣнія его въ специально образованныхъ для того мѣстныхъ комитетахъ. Нѣкоторые изъ этихъ комитетовъ рѣшительно высказались за ограниченіе власти (точнѣе—усмотрѣнія) архіерея по отношенію къ семинаріи. Какъ на основаніе для такого ограниченія указывалось, во-первыхъ, на крайнее обремененіе архіерея мѣстными занятіями по управленію епархіей, затрудняющее для него возможность внимательно относиться къ специальнымъ педагогическимъ дѣламъ семинаріи, и, во-вторыхъ, на то, что усмотрѣніе не можетъ служить гарантіей справедливости и законности, открывая широкій просторъ для произвольныхъ, субъективно-одностороннихъ распоряженій. Подобныя заявленія мѣстныхъ комитетовъ не остались безъ послѣдствій. Уставъ 1867 г. дѣйствительно не представляетъ архіереямъ той широкой, почти безконтрольной власти надъ семинаріей, какой они обладаютъ по уставу 1884 года. Уставъ 1867 г. сохраняетъ за семинаріями нѣкоторую самостоятельность и независи-

мость отъ усмотрѣнія архіерея. Всѣ семинарскія дѣла по этому уставу обсуждаются и рѣшаются правленіемъ семинаріи; архіерей же своею властью лишь санкціонуруетъ эти рѣшенія. Въ случаѣ несогласія съ рѣшеніемъ правленія онъ можетъ пріостановить исполненіе этого рѣшенія, но не имѣетъ власти совсѣмъ отмѣнить или измѣнить его. Въ данномъ случаѣ правленіе семинаріи по § 113 устава должно вновь рассмотреть то дѣло, по которому возникло разногласіе между правленіемъ и архіереемъ. Если и по новомъ рассмотрѣніи не послѣдуетъ согласія архіерея на заключеніе правленія, то все дѣло представляется на разрѣшеніе Св. Синода (§ 114).

Не таковы отношенія архіерея къ семинаріи по уставу 1884 г. Этотъ уставъ настолько возвышаетъ власть архіерея, предоставляетъ ему столь широкія права, что семинарія совершенно утрачиваетъ свое прежнее сравнительно независимое положеніе. Единоличный голосъ архіерея теперь выше коллективнаго голоса правленія. Всѣ журналы послѣдняго попрежнему представляются на утвержденіе архіерея, но теперь архіерей по своему усмотрѣнію можетъ измѣнить и прямо отмѣнить постановленіе правленія, дать дѣлу совсѣмъ иное рѣшеніе вопреки общему мнѣнію правленія. И правленіе волею-неволею должно подчиниться резолюціи архіерея, не имѣя никакого права апелляціи къ высшему начальству. Уставъ предоставляетъ архіерею власть, даже независимо отъ предварительнаго обсужденія въ правленіи, предлагать послѣдному прямо къ исполненію письменныя предложенія о мѣрахъ къ благоустройству семинаріи (§ 17 ср. § 17 уст. 1867 г.).

Благодаря такому возвышенію архіерейской власти, семинарія стала подчиненнымъ архіерею учрежденіемъ, наравнѣ съ другими епархіальными учрежденіями. Отсюда послѣдовали и другія измѣненія въ строѣ семинарій.— По уставу 1867 г. составъ педагогическихъ собраній семинарскаго правленія былъ довольно многочисленный: сюда входили кромѣ ректора и инспектора семь преподавателей и три члена изъ епархіальнаго духовенства (§ 94). Члены отъ духовенства притомъ обладали правомъ безпрепятственно посѣщать классы и, какъ близко знакомые благодаря этому съ ходомъ учебно-воспитательнаго дѣла въ семинаріи, могли прини-

мать въполнѣ активное участіе въ педагогическихъ засѣданіяхъ. Всѣ прочіе преподаватели, не состоящіе членами правленія, могли быть приглашаемы въ засѣданія для совѣщанія, съ правомъ требовать внесенія въ журналъ особаго мнѣнія, заявленнаго каждымъ изъ приглашенныхъ (§ 95). При такомъ составѣ педагогическихъ собраній можно было съ большимъ довѣріемъ относиться къ ихъ постановленіямъ, какъ выраженію общаго мнѣнія большинства преподавателей. Поэтому уставъ придавалъ постановленіямъ правленія такое значеніе, что ихъ не могла поколебать даже власть архіерея и они могли быть кассированы лишь Святѣйшимъ Синодомъ.

Нынѣшній уставъ, предоставивъ архіерею высшее наблюденіе за всею дѣятельностью правленія и надѣливъ его широкими полномочіями, тѣмъ самымъ умалилъ значеніе правленія. Многолюдство послѣдняго несомнѣнно вызывало разнообразіе мнѣній и нѣкоторую горячность въ защитѣ ихъ. Но къ чему весь этотъ шумъ, когда архіерей по своему усмотрѣнію можетъ не согласиться ни съ однимъ изъ высказанныхъ членами правленія мнѣній и дать свое безапелляціонное рѣшеніе? И вотъ для устраненія этого шума и водворенія наружнаго спокойствія уставъ 1884 г. почти вдвое сократилъ составъ педагогическаго правленія. По этому уставу правленіе составляють, кромѣ ректора и инспектора, только три преподавателя и два члена отъ духовенства, причемъ объ участіи въ засѣданіяхъ прочихъ преподавателей хотя бы съ совѣщательнымъ голосомъ уставъ ничего уже не говоритъ.

При ограниченномъ составѣ правленія представлялось менѣе шансовъ на полное безпристрастіе и надлежащую обоснованность рѣшеній правленія, и потому естественнымъ послѣдствіемъ отсюда было изъятіе нѣкоторыхъ дѣлъ изъ вѣдѣнія правленія. Такъ по уставу 1867 г. семинарскимъ правленіямъ было предоставлено избраніе кандидатовъ на должности ректора (§ 24), инспектора (§ 38), преподавателей (§ 58). Всѣ такія избранія производились обязательно въ общихъ собраніяхъ, на которыхъ присутствовали не только члены правленія, но и всѣ преподаватели, кромѣ служащихъ по найму (§ 95). Утвержденіе затѣмъ избранныхъ кандидатовъ въ должностяхъ ректора и инспектора совер-

шались центральной властью, а преподавателей-архіереемъ. Новый уставъ 1884 г., отмѣнившій общія собранія правленій, отнялъ у послѣднихъ и право избранія кандидатовъ на указанія должности. Теперь кандидаты на начальственные должности въ семинаріи представляются Святѣйшему Синоду епархіальнымъ архіереемъ по его усмотрѣнію, независимо отъ соображеній семинарскаго правленія (§§ 23 и 38); преподаватели также назначаются центральнымъ управленіемъ безъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ семинарскаго правленія (§ 56). За послѣднимъ сохранено лишь право представлять архіерею кандидатовъ на такія второстепенныя должности, какъ духовника, бібліотекаря, врача, эконома, секретаря правленія, блюстителя по хозяйственной части.

Такимъ образомъ дѣйствующій семинарскій уставъ рядомъ послѣдовательныхъ ограниченій лишалъ семинаріи того характера самоуправленія, какимъ они отличались при прежнемъ уставѣ, и, подчинивъ ихъ сильной внѣшней власти, возложилъ на нихъ болѣе исполнительныя функціи въ предѣлахъ устава, указаній архіерея и распоряженій центрального управленія. Это было кореннымъ преобразованиемъ административнаго строя духовныхъ семинарій.

Учебный курсъ семинарій также потерпѣлъ большія измѣненія при введеніи устава 1884 года. Измѣненія эти состоятъ въ исключеніи нѣкоторыхъ предметовъ изъ семинарскаго курса и введенія взамѣнъ этого новыхъ, въ сокращеніи числа уроковъ по однимъ предметамъ и увеличеніи ихъ по другимъ, а также въ новомъ распредѣленіи уроковъ по классамъ. По уставу 1867 г. въ семинаріяхъ между прочимъ преподавались тригонометрія, космографія, педагогика и новые языки. Уставъ 1884 года первые два предмета совсѣмъ упразднилъ въ семинаріяхъ, педагогику замѣнилъ дидактикой, а новые языки изъ обязательныхъ для изученія сдѣлалъ необязательными. Въ видѣ новыхъ предметовъ по дѣйствующему уставу являются библейская исторія, обличительное богословіе, исторія и обличеніе раскола. Впрочемъ, послѣдній предметъ не былъ вполне новымъ, такъ какъ по § 129 прежняго устава разрѣшалось преподаваніе его во всѣхъ тѣхъ семинаріяхъ, гдѣ чувствовалась нужда въ немъ по мѣстнымъ потребностямъ епархіи. Сокращеніе уроковъ по уставу 1884 года наиболѣе чувствительно косну-

лось греческаго языка (вмѣсто 20 уроковъ—16), физико-математическихъ наукъ (вм. 15 ур.—12) и гомилетики (вм. 6 ур.—4); затѣмъ по одному уроку отнято у латинскаго языка и философіи. Взамѣнъ сокращенныхъ уроковъ прибавлены уроки по Св. Писанію (19 ур. вмѣсто прежнихъ 16), словесности (11 ур. вм. 6), гражданской исторіи (9 вм. 8) и практическому руководству для пастырей (4 вм. 3). Въ распредѣленіи уроковъ по классамъ уставъ 1884 года допустилъ замѣтное уклоненіе отъ устава 1867 года. Послѣдній сосредоточивалъ изученіе всѣхъ богословскихъ предметовъ, кромѣ Св. Писанія, въ V и VI классахъ, а первые четыре класса предназначилъ для общеобразовательныхъ наукъ. Уставъ 1884 года отмѣнилъ это раздѣленіе въ семинаріяхъ богословскаго и общеобразовательнаго курсовъ, ввелъ и въ низшихъ классахъ изученіе разныхъ богословскихъ предметовъ, и такимъ образомъ распредѣленіе уроковъ по классамъ стало смѣшаннымъ. Такъ во II кл. была введена библейская исторія, въ III кл. церковная исторія, а въ IV кл. кромѣ послѣдней еще литургика, гомилетика и основное богословіе. Помимо указанныхъ измѣненій по учебной части нынѣшній семинарскій уставъ наконецъ рѣзко отличается отъ прежняго отмѣною приѣмныхъ испытаній для учениковъ, окончившихъ курсъ духовныхъ училищъ. По уставу 1867 года всѣ вообще поступающіе въ семинарію предварительно подвергались экзамену въ самой семинаріи; уставъ же 1884 г. новымъ § 116 предоставилъ училищнымъ правленіямъ самимъ удостоивать своихъ учениковъ права поступленія въ семинарію безъ повѣрочныхъ испытаній при послѣдней.

Изложивъ вкратцѣ отличительныя особенности прежняго и нынѣшняго семинарскихъ уставовъ, попытаемся дать сравнительную оцѣнку этихъ особенностей и попутно укажемъ на тѣ реформы, которыя желательно было бы произвести въ устройствѣ духовныхъ семинарій.

Уставъ 1884 года усилилъ власть архіерея надъ семинаріей. Въ основѣ этого усиленія лежатъ два чисто бюрократическіе принципа—недовѣріе къ коллективнымъ общественнымъ силамъ и преклоненіе предъ централизованною властью. Руководствуясь этими принципами, составители устава думали.

что семинаріи могутъ процвѣтать только подъ покровомъ архіерейской власти, и потому, возвышая эту власть, искренно надѣялись принести семинаріямъ пользу. Однако, дѣйствительность жестоко обманула подобныя надежды. Всякая централизованная власть, по мѣрѣ расширенія своихъ предѣловъ и увеличенія своей безотвѣтственности, неминуемо переходитъ въ произвольное усмотрѣніе. Плоды такого усмотрѣнія обычно бываютъ самые печальные; они дѣйствительно и не замедлили обнаружиться въ жизни нашихъ семинарій.

Дѣйствуя постоянно подъ Дамокловымъ мечомъ архіерейскаго усмотрѣнія, семинарскія правленія по необходимости должны были примѣняться ко взглядамъ и желаніямъ своего преосвященнаго начальника и такимъ образомъ утрачивали ту свободу и независимость въ своихъ рѣшеніяхъ, которыя служатъ необходимымъ условіемъ ихъ правильности и безпристрастія. Далѣе, архіерейская власть, тяготѣя надъ семинарскимъ правленіемъ и по своему усмотрѣнію дѣлая ему, на основаніи § 17 уст., разныя предложенія о тѣхъ или другихъ мѣрахъ прямо къ исполненію, постепенно убила инициативу и энергію у правленія, такъ что послѣднее во всѣхъ сложныхъ случаяхъ стало избѣгать собственнаго рѣшенія, находя болѣе безопаснымъ „почтительнѣйше представлять дѣло на благоусмотрѣніе Его Преосвященства“ и затѣмъ уже дѣйствовать сообразно указаніямъ высшаго начальства. Но благоусмотрѣніе архіерейское вслѣдствіе широты своихъ границъ естественно не можетъ объять всего и потому ищетъ для себя опоры. Такою опорой въ дѣлахъ учебныхъ является обычно ректоръ семинаріи. Отсюда возникаетъ чрезмѣрное подавляющее значеніе ректора въ направленіи семинарской жизни и какъ результатъ этого—рознь среди учащей корпораціи. Сильная ректорская власть подчиняетъ себѣ болѣе робкихъ, уступчивыхъ преподавателей, но за то вооружаетъ другихъ—энергичныхъ, стойкихъ, самостоятельныхъ, и весь учащій персоналъ раздѣляется на партіи. Эта партійность, по самому источнику своего происхожденія проникнутая духомъ личной непріязни и интригъ, несомнѣнно причиняетъ много зла семинаріямъ. Но еще большимъ зломъ является тотъ произволъ, который бываетъ неизбѣжнымъ спутникомъ усмотрѣнія, какъ основнаго на-

чала архіерейской власти. Онъ подкапывается подъ самыя основы нормальной жизни семинаріи—законность, справедливость, устойчивый и раціональный педагогическій режимъ, и особенно тяжело отзывается на положеніи педагоговъ. Ихъ репутація, служебное движеніе, вся ихъ судьба находится въ зависимости отъ „усмотрѣнія“ преосвященнаго владыки. Стоитъ только преподавателю попасть подъ подозрѣніе владыки, а поводовъ къ этому въ педагогической дѣятельности такъ много, и благополучію преподавателя грозитъ опасность: по желанію владыки его могутъ перевести на другое худшее мѣсто, дать другой предметъ для преподаванія, даже совсѣмъ устранить отъ духовно-учебной службы. Понятно, при такихъ условіяхъ преподавателю приходится дѣйствовать съ опаскою, тутъ уже не до оригинальныхъ пріемовъ обученія и воспитанія, не до педагогическаго творчества или энергичной, самоотверженной работы на пользу просвѣщенія юношества. Вѣдь изъ-за этого новаторства можно прослыть безпокойнымъ, опаснымъ, неблагонадежнымъ, и подвергнуться жестокой репрессіи со стороны начальства. Преподаватель по необходимости, сберегая свою шкуру, долженъ сдерживать свой педагогическій пылъ, и, не увлекаясь новыми путями, держаться установившагося шаблона учебной практики.

Вотъ печальные плоды усиленія архіерейской власти, допущеннаго нынѣшнимъ семинарскимъ уставомъ. Власть дѣйствительно создана сильная, но ея сила, какъ видимъ, направлена болѣе къ тому, чтобы обезсилить семинарскую корпорацію, подавить ея энергію, инициативу, творческую продуктивность. Какъ дорого обошлось это приниженіе семинарій, наглядно показываютъ прискорбные факты послѣднихъ лѣтъ изъ жизни нашихъ семинарій. Волненія проникли почти во всѣ семинаріи, принимая иногда крайне грубый, даже уголовный характеръ, они вызвали сотни жертвъ, искалѣчили многія жизни учащейся молодежи. А приниженные, подневольныя семинарскія корпораціи ничего не могли противопоставить безпорядкамъ, кромѣ массоваго исключенія увлекающихся юныхъ питомцевъ, доказывая этимъ лишь свою педагогическую импотенцію.

По плодамъ узнается дерево. А плоды дѣйствія нынѣшняго семинарскаго устава съ его основнымъ принципомъ

возвышенія единоличной власти архіерея наглядно показываютъ, что принципъ этотъ не пригоденъ для жизни, что подобно сдавливающему компрессу онъ способенъ скорѣе ограничить, сѣзуть жизнь, чѣмъ дать ей широкое, свободное, плодотворное развитіе. Нужно снять этотъ компрессъ, чтобы оживить наши семинаріи, необходимо предоставить имъ по крайней мѣрѣ ту свободу, какою онѣ пользовались по уставу 1867 года (§§ 113 и 114), чтобы пробудить въ нихъ скрытыя жизненныя силы и сдѣлать возможнымъ ихъ прогрессивное развитіе. Въ этомъ раскрытіи семинаріи и состоитъ первая задача новаго семинарскаго устава, безъ него всѣ другія реформы будутъ только палліативами, не исцѣляющими всѣхъ золъ нашихъ семинаріи.

Усиливъ власть архіерейскую, уставъ 1884 года послѣдовательно пришелъ къ сокращенію состава семинарскаго правленія, т.-е. къ устраненію большинства преподавателей отъ обсужденія общихъ нуждъ и дѣлъ семинарскихъ. Возвышеніе централизованной власти всегда соединяется съ ограниченіемъ общественной, коллективной дѣятельности; это два взаимно обусловливающія и нераздѣльныя явленія. Но какъ не пригодно и вредно для жизни первое, такъ не цѣлесообразно и второе. Въ самомъ дѣлѣ, благо семинаріи дорого всѣмъ ея преподавателямъ, и всѣ они заинтересованы въ ея процвѣтаніи. Преподаватели—главные дѣятели, трудами которыхъ создается благоустройство учебнаго заведенія. Естественно они должны быть облечены начальственнымъ довѣріемъ и всѣ быть призваны къ совмѣстной дружной работѣ. Притомъ, учебно-воспитательное дѣло настолько сложное и трудное, что оно требуетъ объединенныхъ общихъ усилій всѣхъ преподавателей. Явное заблужденіе думать, что съ этимъ дѣломъ можетъ справиться ограниченный кружокъ начальствующихъ лицъ, и непростительный грѣхъ предъ преподавателями устранять ихъ отъ участія въ общемъ обсужденіи семинарскихъ дѣлъ. А это именно и допустилъ нынѣшній семинарскій уставъ, когда произвелъ сокращеніе семинарскаго правленія. Было бы трудно понять, какъ составители его могли рѣшиться на такую вредную мѣру, если бы мы не знали, подъ вліяніемъ какой

основной идеи онъ былъ составленъ. Увлечение этой идеей—возвышенія архіерейской власти — было настолько сильно, что долгое время, несмотря на очевидныя доказательства ненормальности утвержденнаго уставомъ. порядка мѣстнаго управления семинаріями, не хотѣли разставаться съ этимъ порядкомъ. И только въ 1902 году наконецъ былъ измѣненъ § 92 устава, опредѣлявшій составъ семинарскаго правленія.

По высочайшему повелѣнію 1 іюля 1902 года всѣмъ преподавателямъ семинаріи предоставлено право присутствовать въ педагогическихъ собраніяхъ правленія и такимъ образомъ составъ семинарскаго правленія теперь является болѣе широкимъ, чѣмъ даже по уставу 1867 года. Эта частичная поправка, приближающая нынѣшній семинарскій уставъ къ прежнему, только еще рельефнѣе отгвѣняетъ необходимость другой, указанной выше реформы—ограниченія власти архіерея. Безъ этой реформы расширение состава семинарскаго правленія не принесетъ всей своей пользы, если только не будетъ совсѣмъ безрезультатнымъ. Пока архіерею дано право по собственному усмотрѣнію кассировать постановленія правленія и предлагать ему прямо къ исполненію или руководству свои личныя взгляды и рѣшенія, до тѣхъ поръ правленіе, сколько бы ни входило въ него членовъ, не можетъ дѣйствовать нормально и успѣшно. Нѣтъ, ужъ если нашли нужнымъ увеличить составъ правленія и привлечь въ него всѣхъ преподавателей, то дальнѣйшимъ логическимъ шагомъ отсюда является ослабленіе архіерейской опеки. Послѣдняя была еще мыслима при прежнемъ ограниченномъ правленіи, а теперь она прямо дисгармонируетъ съ новымъ закономъ 1902 года.

Порядокъ замѣщенія преподавательскихъ должностей по уставу 1867 года имѣлъ свои неудобства. Такъ правленіе семинаріи для избранія кандидата на преподавательскую должность должно было большею частью сноситься предварительно съ совѣтомъ духовной академіи, а также съ самимъ кандидатомъ, рекомендованнымъ академическимъ совѣтомъ. На всю эту переписку, иногда довольно продолжительную, совершенно непронзводительно тратилось дорогое учебное время. Затѣмъ, кандидаты духовныхъ академій, особенно

казеннокоштные, оказывались въ довольно затруднительномъ положеніи. За казенное содержаніе въ академіи они обязывались прослужить опредѣленное число лѣтъ по духовно-учебному вѣдомству; между тѣмъ при назначеніи на духовно-учебную службу были поставлены въ зависимость и отъ совѣтовъ академій, и отъ правленій семинарій, къ тѣмъ и другимъ должны были обращаться съ просьбами о назначеніи на службу и, не получая иной разъ ни откуда удовлетворенія, должны были долгое время томиться въ поискахъ мѣста. Наконецъ, всѣ свѣдѣнія о правоспособныхъ кандидатахъ на должности преподавателей семинарскія правленія черпали главнымъ образомъ изъ академическихъ дипломовъ и отзывовъ академій, такъ какъ лица, только что окончившія академическій курсъ, могли быть болѣе извѣстны начальству академій, чѣмъ правленію семинаріи. Такимъ образомъ участіе семинарскаго правленія въ дѣлѣ назначенія кандидатовъ духовныхъ академій на преподавательскія должности не приносило особой пользы и только напрасно замедляло и усложняло самую процедуру замѣщенія должностей. Поэтому не было никакой нужды удерживать порядокъ назначенія на преподавательскія должности, утвержденный уставомъ 1867 года. И дѣйствительно, порядокъ этотъ просуществовалъ недолго. Уже въ 1874 году состоялось высочайшее повелѣніе объ измѣненіи его и установленіи новаго, который потомъ и былъ внесенъ въ уставъ 1884 года. Впрочемъ, и новый порядокъ не былъ совершеннымъ: онъ вносилъ какую то двойственность власти и допускалъ разнообразіе тамъ, гдѣ его не должно бы быть. Именно, по этому порядку кандидаты академій распредѣлялись на открывшіяся преподавательскія вакансіи при началѣ учебнаго года совѣтами академій, въ теченіе учебнаго года Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ. Затѣмъ первые кандидаты утверждались въ должностяхъ Святѣйшимъ Синодомъ, а вторые—Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ. Для устраненія такой двойственности и разнообразія, совершенно не оправдываемыхъ пользою дѣла, въ 1892 году всѣ дѣла о замѣщеніи преподавательскихъ вакансій въ семинаріяхъ были сосредоточены въ Центральномъ духовно-учебномъ Управленіи, за совѣтами же академій оставлена обязанность сообщать Центральному Управленію свои отзывы о томъ, какой канди-

дать и на какую должность въ семинаріи наиболѣе пригоденъ. Такимъ образомъ голосъ академическихъ совѣтовъ при распредѣленіи кандидатовъ сохранилъ свое необходимое значеніе, и въ то же время достигнуто желательное единство, большая упорядоченность и быстрота въ дѣлѣ замѣщенія преподавательскихъ вакансій. Поэтому нынѣ существующій порядокъ замѣщенія этихъ вакансій представляется намъ наилучшимъ изъ прежде практиковавшихся. Нельзя того же сказать о замѣщеніи начальственныхъ должностей—ректора и инспектора. На такія должности назначаются обычно лица послужившія, зарекомендовавшія себя педагогическими способностями. Для сужденія о достоинствѣ такихъ лицъ недостаточно уже отзыва одного академическаго совѣта, а необходимо также и мнѣніе мѣстнаго начальства данныхъ лицъ. Вотъ почему уставъ 1884 г. поручаетъ епархіальнымъ архіереямъ представлять Святѣйшему Синоду своихъ кандидатовъ на должности ректора и инспектора. Безъ этихъ представленій Центральному Управленію было бы затруднительно и рискованно замѣщать ректорскія и инспекторскія вакансій, такъ какъ оно не можетъ располагать всѣми необходимыми свѣдѣніями о достойнѣйшихъ преподавателяхъ, разсѣянныхъ въ разныхъ уголкахъ Россіи. Однако выходъ изъ этого затрудненія, указанный уставомъ 1884 г., является не вполне удачнымъ и надежнымъ. По уставу Центральное Управленіе при замѣщеніи начальственныхъ должностей въ семинаріяхъ опирается на представленія архіереевъ, но на что должны опираться сами архіереи?—на собственное усмотрѣніе?... Опора очень шаткая и даже опасная. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя ставить благосостояніе всего учебнаго заведенія въ зависимость отъ взглядовъ и усмотрѣнія одного лица, хотя бы и облеченнаго епископскимъ саномъ. Это благосостояніе создается главнымъ образомъ трудами преподавателей, имъ то и долженъ быть предоставленъ первый голосъ при назначеніи начальственныхъ лицъ въ семинарію. Только этимъ путемъ можетъ быть обезпечено то, что на отвѣтственныя должности ректора и инспектора будутъ назначаться дѣйствительно способныя и достойныя лица, за которыхъ ручается цѣлая коллегія преподавателей. Поэтому для блага семинарій необходимо, чтобы архіереи при своихъ представленіяхъ кандидатовъ на начальственныя должности

въ семинаріи руководились не однимъ только личнымъ усмотрѣніемъ, а также и мнѣніемъ семинарскаго правленія. Для этого правленіямъ семинарій должно быть вновь предоставлено право, отнятое у нихъ уставомъ 1884 года,—право выбирать своихъ кандидатовъ на должности ректора и инспектора.

Въ устройствѣ учебной части уставъ 1884 года во многомъ выгодно отличается отъ прежняго устава 1867 года. Такъ, сокращеніе числа уроковъ по классическимъ языкамъ составляетъ несомнѣнное преимущество нынѣшняго устава. Прежній уставъ сохранялъ традиціонное преклоненіе предъ древними языками, при чемъ господствующее значеніе придавалъ греческому языку. Послѣдній считался, по крайней мѣрѣ по количеству уроковъ, самымъ главнымъ предметомъ семинарскаго курса и стоялъ даже выше Св. Писанія. На латинскій языкъ также тратилось очень много времени: однимъ лишь часомъ менѣе, чѣмъ на Св. Писаніе. Между тѣмъ классическіе языки, особенно при грамматико-теоретическомъ способѣ ихъ изученія, имѣютъ самое ничтожное, если только не отрицательное, значеніе въ общеобразовательномъ отношеніи; въ духовной школѣ они важны только какъ вспомогательные предметы для изученія богословскихъ наукъ, подобно еврейскому языку. Однако послѣдній отнесенъ къ числу необязательныхъ предметовъ и ограничивается лишь двумя уроками въ теченіе всего шестилѣтняго семинарскаго курса. Древніе же языки, поглощая громадное количество учебнаго времени на счетъ другихъ, и въ томъ числѣ богословскихъ, предметовъ, тѣмъ самымъ наносятъ серьезный вредъ основательности изученія этихъ предметовъ и такимъ образомъ не оправдываютъ своего существованія даже въ качествѣ вспомогательныхъ научныхъ дисциплинъ. Неудивительно поэтому, что уставъ 1884 года посягнувъ на привилегированное, господствующее положеніе древнихъ языковъ среди другихъ предметовъ семинарскаго курса и нѣсколько сократилъ у нихъ количество уроковъ. Это было весьма цѣннымъ сбереженіемъ учебнаго времени, необходимаго для другихъ болѣе важныхъ семинарскихъ наукъ. И за это нужно сказать большое спасибо уставу 1884 года. Остается только пожелать, чтобы новый семинарскій уставъ слѣдовалъ

въ данномъ отношеніи по стопамъ нынѣшняго и произвелъ дальнѣйшее сокращеніе уроковъ по древнимъ языкамъ, если только нельзя сдѣлать ихъ необязательными предметами въ семинарскомъ курсѣ, подобно еврейскому языку.

Увеличеніе числа уроковъ по нѣкоторымъ другимъ предметамъ также составляетъ очевидное преимущество нынѣшняго семинарскаго устава сравнительно съ прежнимъ. Особенно полезно является прибавка уроковъ по Св. Писанію и словесности.—Св. Писаніе—главный предметъ семинарскаго курса, служащій основою для другихъ богословскихъ наукъ. На изученіе его поэтому должно быть обращено преимущественное вниманіе и ему отведено наибольшее число уроковъ. Между тѣмъ извѣстно, что и при увеличенномъ по уставу 1884 года количествѣ учебныхъ часовъ представляется крайне затруднительнымъ изучить всѣ книги Св. Писанія. За недостаткомъ времени нѣкоторыя изъ нихъ, даже новозавѣтныя (напр. Дѣянія Св. Апостоловъ, Апокалипсисъ), остаются совсѣмъ непрочитанными въ классѣ, и воспитанники оканчиваютъ курсъ семинаріи, считаются правоспособными быть пастырями церкви, не зная Слова Божія во всей его полнотѣ. Это ненормальное явленіе, замѣчаемое теперь, еще въ большемъ размѣрѣ наблюдалось при дѣйствіи устава 1867 года. Уставъ 1884 года сдѣлалъ попытку къ ослабленію его, но, какъ видимъ, не устранилъ его вполнѣ, что однако было бы въ высшей степени желательно во имя пастырства и вообще духовнаго просвѣщенія. Поэтому новому семинарскому уставу принадлежитъ закончить то, что было начато нынѣшнимъ уставомъ, и еще увеличить нѣсколько число уроковъ по Св. Писанію.

Увеличивъ почти вдвое уроки по словесности, уставъ 1884 года оказалъ большую услугу образованію духовнаго юношества. Литература имѣетъ, помимо широкаго общеобразовательнаго значенія, еще и спеціальное для будущаго пастыря. Служа зеркаломъ общества, литература даетъ возможность изучить ту среду, въ которой придется дѣйствовать пастырю, тѣ пороки и язвы жизни, которые нужно будетъ врачевать, тѣ запросы, думы, сомнѣнія, которые волнуютъ общество и которые потребуютъ отъ пастыря компетентнаго разрѣшенія, если онъ не захочетъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ окружающаго и лишь формальнымъ

исполнителемъ церковнобогослужебныхъ требъ. Далѣе, литература, не ограничиваясь однимъ описаніемъ нашей жизни, освѣщаетъ эту жизнь съ этической стороны, разрѣшаетъ многіе жизненные вопросы, знакомить съ разными взглядами на жизнь и ея задачи. Изучая литературу, мы входимъ въ среду лучшихъ людей—писателей, воспринимаемъ плоды ихъ долгихъ думъ надъ жизнью, сами вмѣстѣ съ ними углубляемся въ пониманіе жизни и чрезъ это съ большею ясностью уразумѣваемъ возвышенное христіанское міропониманіе. Наконецъ, литература, создавая извѣстную духовную атмосферу современнаго общества, служитъ посредствующимъ звеномъ между пастыремъ и обществомъ. Литературно просвѣщенный пастырь—свой близкій человѣкъ въ интеллигентомъ обществѣ, онъ можетъ не только понимать это общество, но и оказывать на него вліяніе, одухотворенное христіанскимъ идеаломъ. Такимъ образомъ литература является большимъ подспорьемъ для пастыря и потому ей должно быть отведено почетное мѣсто въ ряду другихъ семинарскихъ наукъ. Уставъ 1884 года дѣйствительно вывелъ ее изъ того приниженаго положенія, въ которомъ она находилась по уставу 1867 года, но нельзя сказать, чтобы въ этомъ отношеніи было сдѣлано все. Нынѣ литература изучается въ семинаріяхъ въ сокращенномъ объемѣ, съ пропускомъ новѣйшей литературы какъ русской, такъ и иностранной. Между тѣмъ это—самая интересная, жизненная и полезная часть литературы; и игнорированіе ея ничего, кромѣ вреда, не можетъ принести семинарскому образованію. Вотъ на этотъ то вредный пробѣлъ въ изученіи литературы и долженъ обратить свое вниманіе новый семинарскій уставъ. Для устраненія его нужно будетъ не только расширить семинарскую программу по литературѣ, но и увеличить число уроковъ. Это было бы вполне естественнымъ дополненіемъ нынѣшняго семинарскаго устава.

Наконецъ, къ числу наиболѣе важныхъ преимуществъ дѣйствующаго семинарскаго устава по устройству учебной части слѣдуетъ отнести также и отмѣну пріемныхъ экзаменовъ для поступающихъ въ семинаріи училищныхъ воспитанниковъ. Уставъ 1884 года поколебалъ традиціонный взглядъ на экзамены какъ наилучшій способъ провѣрки способностей и познаній ученика. Ложность этого взгляда

особенно рѣзко обнаруживалась на приемных экзаменахъ. Последніе производились при новой обстановкѣ, новыми экзаменаторами, съ новыми приемами и требованіями, въ короткое сравнительно время, и потому неизбежно приводили къ нежелательнымъ случайностямъ, ошибочнымъ сужденіямъ, превращая способнаго и знающаго, но застѣнчиваго и робкаго ученика, въ малоразвитаго и не подготовленнаго и наоборотъ возвышая лѣниваго, малоспособнаго, но бойкаго и случайно спрошеннаго изъ знакомаго отдѣла, на степень вполне достойнаго приема въ семинарію. Такіе случаи, замѣчавшіеся во все время дѣйствования приемныхъ экзаменовъ, всегда вызывали справедливый ропотъ среди духовенства и, подрывая постепенно вѣру въ цѣлесообразность приемныхъ экзаменовъ, настоятельно требовали ихъ упраздненія. Внимая указаніямъ опыта и голосу общества, уставъ 1884 года наконецъ рѣшился оставить прежній порядокъ приема въ семинарію училищныхъ воспитанниковъ и, вмѣсто крайне ненадежнаго и ошибочнаго способа проверки знаній учениковъ путемъ приемныхъ экзаменовъ, предоставилъ училищнымъ правленіямъ самимъ удостоивать своихъ воспитанниковъ перевода въ семинаріи на основаніи обнаруженныхъ ими въ теченіе училищнаго курса успѣховъ. Это основаніе, конечно, служило большимъ ручательствомъ правильности сужденія о степени подготовленности ученика, чѣмъ случайный отвѣтъ на экзаменъ и бѣглое впечатлѣніе экзаменатора. Вотъ почему теперь стали невозможны случаи отказа въ приемъ въ семинаріи способныхъ и развитыхъ дѣтей, и семинаріи стали давать пріютъ всѣмъ лучшимъ, достойнымъ ученикамъ духовныхъ училищъ. Учебное дѣло въ семинаріяхъ отъ этого несомнѣнно выиграло, но въ выигрышѣ оказалось также и семинарское правленіе, избавленное отъ тяжелой обязанности производства приемныхъ испытаній громадной массѣ училищныхъ воспитанниковъ, и училищное правленіе, облеченное теперь заслуженнымъ довѣріемъ и освобожденное отъ обидныхъ, часто безосновательныхъ замѣчаній со стороны семинарскихъ экзаменационныхъ комиссій, и наконецъ сами училищные воспитанники, избавленные отъ томительной, вредной физически и мало производительной умственно, подготовки къ приемному семинарскому экзамену въ теченіе всего лѣтняго ка-

никулярнаго времени, крайне необходимаго для отдыха и подкрѣпленія силъ. Словомъ, съ отмѣною приѣмныхъ экзаменовъ скатилось общее бремя, безъ всякой пользы для учебнаго дѣла томившее и учащихъ и учащихся, и всѣмъ стало легче дышать. Къ сожалѣнію, по закону 29 Марта 1900 года въ семинаріяхъ вновь были введены приѣмные экзамены и вмѣстѣ съ ними опять стали обнаруживаться всѣ тѣ нежелательныя явленія, которыя ранѣе послужили причиной отмѣны экзаменовъ. Новый законъ явился полною неожиданностью, не оправдываемою интересами учебнаго дѣла и не вызываемою общимъ голосомъ ни педагоговъ, ни тѣмъ болѣе духовенства. Неудивительно поэтому, что съ самаго начала дѣйствія этого закона стали возбуждаться ходатайства о непримѣненіи его въ той или другой семинаріи,—ходатайства настолько мотивированныя, что Святѣйшій Синодъ призналъ нужнымъ удовлетворить нѣкоторыя изъ нихъ. Эти изъятія изъ закона, разрѣшенныя вскорѣ по изданіи его, подавали надежду, что законъ, возстановившій отжившую было старину и сейчасъ же обнаружившій свою непригодность, просуществуетъ недолго. И дѣйствительно, бытіе его было кратковременно: онъ дѣйствовалъ только пять лѣтъ и нынѣ уже отмѣненъ. По этому поводу можно лишь сказать: „слава Богу“ и при этомъ выразить пожеланіе, чтобы вновь не воскресало то, что было дважды похоронено.

При всѣхъ своихъ несомнѣнныхъ преимуществахъ предъ уставомъ 1867 года въ устройствѣ учебной части дѣйствующей семинарской уставъ не чуждъ однако и нѣкоторыхъ недостатковъ. Къ числу ихъ относится прежде всего распредѣленіе уроковъ богословскихъ предметовъ по всѣмъ классамъ семинаріи. Распредѣленіе это, во-первыхъ, неправильно въ дидактическомъ отношеніи, такъ какъ труднѣйшій отдѣлъ церковной исторіи—ученіе о ересьяхъ—и философскую часть основнаго богословія приходится изучать ранѣе, чѣмъ мысль учениковъ разовьется на урокахъ философскихъ наукъ и будетъ въ состояніи ориентироваться въ массѣ философскихъ доктринъ. Затѣмъ оно не можетъ быть оправдано и интересами пастырства, какъ цѣли семинарскаго образованія. По уставу 1884 года специально богословское образованіе проникаетъ весь семинарскій курсъ, и семина-

ристы съ первыхъ же классовъ начинаютъ изучать богословскія науки, какъ будто всѣ они непременно будутъ пастырями и путемъ изученія богословія можно подготовить къ пастырскому служенію. Между тѣмъ пастырство зиждется на внутреннемъ призваніи, являющемся плодомъ извѣстнаго склада мыслей, особой душевной настроенности, глубокаго проникновенія ученіемъ Христа и живой вѣры въ Него, пламеннаго порыва къ созиданію царства Божія и любви къ людямъ. Какимъ путемъ вырабатывается это призваніе, сказать трудно; во всякомъ случаѣ тутъ дѣйствуетъ болѣе благодать Божія, ничѣмъ не стѣсняемая, нежели богословская схоластика. Несомнѣнно однако то, что призваніе человѣка, его основныя склонности и общее направленіе опредѣляются обычно въ годы умственной зрѣлости, когда начинается складываться личность человѣка. До выработки же опредѣленной психики, до пробужденія призванія неразумно давать юношѣ по произволу специальное образованіе, подготовляющее къ извѣстнаго рода дѣятельности. Это значило бы насиловать личность человѣка, звать его туда, куда онъ быть можетъ вовсе не расположенъ идти и гдѣ не можетъ принести всей доли пользы. Такое именно насиліе и производитъ уставъ 1884 года надъ душами юныхъ питомцевъ семинаріи, произвольно предназначая всѣхъ ихъ къ пастырскому служенію и ради того заставляя изучать специально-богословскія науки прежде, чѣмъ сформированъ ихъ психическій міръ и уяснятся ихъ способности и господствующія влеченія. Отъ этого насилія, осуждаемаго здравой педагогикой, нѣтъ пользы ни для пастырства, какъ свободнаго призванія человѣка, ни для воспитанниковъ, принужденныхъ преждевременно изучать богословскія науки и потому усвоющихъ ихъ больше механически.

Все это, повидимому, ясно сознавали составители устава 1867 года и потому изученіе богословскихъ наукъ сосредоточили въ послѣднихъ двухъ классахъ семинаріи, предлагая эти науки только для тѣхъ воспитанниковъ, которые получили уже общее среднее образованіе въ первыхъ четырехъ классахъ, слѣдовательно достаточно опредѣлились въ психическомъ отношеніи и имѣютъ нѣкоторое расположеніе къ пастырскому служенію. Такимъ разьединеніемъ общаго и специально богословскаго образованія уставъ 1867 года проявилъ

замѣчательную мудрость, ясное и правильное пониманіе какъ духа пастырства, такъ и нужды духовенства по образованію своихъ дѣтей. По этому уставу духовныя семинаріи всѣхъ своихъ воспитанниковъ звали къ служенію церкви, но только избраннымъ, дѣйствительно склоннымъ къ пастырству давали специально богословское образованіе, при этомъ однако не забывали и тѣхъ воспитанниковъ, которые почему-либо не чувствовали призванія къ пастырству: послѣдніе также получали общее среднее образованіе, обезпечивавшее имъ выходъ на другія поприща жизни. Такимъ образомъ были соблюдены интересы церкви, нуждающейся въ достойныхъ пастыряхъ по призванію, и въ то же время было удовлетворено духовенство, желавшее дать своимъ дѣтямъ среднее образованіе. Ясно отсюда, что принципъ разьединенія специально-богословскаго и общаго образованія, которымъ руководствовался уставъ 1867 года, является болѣе раціональнымъ и практически полезнымъ, чѣмъ то смѣшеніе, какое внесъ въ систему семинарскаго образованія нынѣшній уставъ, и потому было бы желательно, чтобы онъ былъ положенъ въ основу реформы дѣйствующаго семинарскаго устава.

Вторымъ наиболѣе существеннымъ недостаткомъ этого устава служить произведенное имъ ограниченіе общеобразовательнаго курса семинарій. Это ограниченіе особенно чувствительно коснулось математическихъ наукъ и новыхъ языковъ. Такъ тригонометрія и космографія были совсѣмъ исключены изъ семинарскаго курса, общее число уроковъ по математическимъ наукамъ было уменьшено и соотвѣственно этому программы были сокращены. Уставъ 1884 года очевидно не признавалъ вспомогательнаго значенія математики для богословія и пастырской дѣятельности. Дѣйствительно, значеніе это трудно уловимо въ сферѣ практическаго примѣненія, хотя и нельзя сказать этого о всѣхъ математическихъ наукахъ. Напр. принадлежащая къ циклу этихъ наукъ космографія, развивая въ насъ болѣе осмысленный взглядъ на вселенную, имѣетъ глубокое образовательное значеніе и въ то же время способна пробудить возвышенныя чувства удивленія и благоговѣйнаго преклоненія предъ Творцомъ и Его твореніемъ. Но и независимо отъ того значенія, какое математика можетъ имѣть для бого-

словія, она все же обязательна въ семинарскомъ курсѣ, какъ необходимый составной элементъ общаго образованія, которое безъ всякаго сомнѣнія не должно быть чуждо нашимъ пастырямъ. Во имя простой интеллигентности пастырей, приближающей ихъ къ образованному обществу, было бы вполне желательно, чтобы общее, и въ томъ числѣ математическое, образованіе въ семинаріяхъ было не ниже того, какое дается въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Затѣмъ, духовныя семинаріи нельзя разсматривать какъ учебныя заведенія, предназначенныя только для подготовки пастырей церкви; кромѣ этой главной цѣли онѣ имѣютъ въ виду вообще дать образованіе дѣтямъ духовенства. Давать же всѣмъ этимъ дѣтямъ узкое специально-богословское образованіе въ надеждѣ, что всѣ они будутъ впоследствии священнослужителями, значить не только не понимать духа пастырства, но и не признавать указаній опыта. А опытъ нашихъ семинарій наглядно показываетъ, что не смотря на все обиліе богословскихъ наукъ и однообразный воспитательный режимъ, изъ семинарій нерѣдко выходятъ лица, не имѣющія никакого призванія къ пастырству, лишеныя даже вѣры въ христіанскіе принципы жизни и по крайней мѣрѣ не одушевленныя этими принципами. Привлекать такихъ лицъ къ служенію церкви было прямо губительно для послѣдней, и съ другой стороны затруднять для нихъ, путемъ специализаціи семинарскаго образованія, выходъ на другія поприща дѣятельности было бы жестокою несправедливостью. Въдѣ къ содержанію семинарій привлечено также и духовенство, и оно въ правѣ требовать, чтобы семинаріи не насилывали личности его дѣтей, а давали имъ такое образованіе, которое, пробуждая всѣ силы и способности учениковъ, открывало бы имъ возможность идти туда, куда влекутъ ихъ индивидуальныя склонности. Между тѣмъ произведенное уставомъ 1884 года сокращеніе въ семинаріяхъ курса математическихъ наукъ значительно понизило общее семинарское образованіе сравнительно съ другими средними свѣтскими училищами и такимъ образомъ затруднило воспитанникамъ семинаріи переходъ въ другія учебныя заведенія. Уставъ словно хотѣлъ закрѣпить семинаристовъ и въ своихъ одностороннихъ заботахъ о благѣ церкви совсѣмъ забылъ объ ученикахъ какъ свободныхъ личностяхъ съ ихъ

индивидуальными запросами и стремленіями. Эту крѣпостническую тенденцію, губительную для учениковъ, нежелательную для ихъ родителей и наконецъ вредную для самой церкви, необходимо совершенно устранить изъ семинарскаго устава. Ея не зналъ прежній уставъ 1867 года, она не премѣнно должна быть чужда и новому уставу. Во всякомъ случаѣ тотъ курсъ математики, какой проходилъся при прежнемъ уставѣ и который приближалъ семинаріи къ общему типу среднихъ учебныхъ заведеній, долженъ быть возстановленъ въ реформированной семинаріи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ интересахъ общаго образованія необходимо реабилитировать также и новые языки, развѣнчанные нынѣшнимъ семинарскимъ уставомъ. Прежній уставъ 1867 года признавалъ эти языки обязательными предметами семинарскаго курса; отъ изученія ихъ не освобождались даже инородцы, которымъ приходилось такимъ образомъ преодолевать громадныя трудности въ усвоеніи массы чуждыхъ языковъ—русскаго съ церковно-славянскимъ, древнихъ и новыхъ. Нынѣшній семинарскій уставъ нашелъ излишнимъ обязательное изученіе новыхъ языковъ всѣми воспитанниками и потому низвелъ ихъ на степень необязательныхъ предметовъ. Какъ таковые они преподаются нынѣ во вѣкъклассное время, лицами часто неправоспособными, и притомъ нерѣдко съ самыми отсталыми приѣмами. Неудивительно поэтому, что знанія учениковъ по новымъ языкамъ самыя ограниченныя и только въ рѣдкихъ случаяхъ изъ семинарій выходятъ воспитанники, способные читать на иностранныхъ языкахъ а *livre ouvert*. Это невѣжество семинаристовъ по части новыхъ языковъ, дѣлая недоступнымъ для нихъ громадный міръ западной богословской литературы, составляетъ крупнѣйшій пробѣлъ въ семинарскомъ образованіи. Отъ него болѣе всего страдаютъ лучшіе воспитанники, поступающіе потомъ въ духовныя академіи. Здѣсь ни одной науки нельзя изучать безъ знанія новыхъ языковъ, и вотъ семинаристы оказываются вынужденными уже въ академіи восполнять то, что опустили въ семинаріи, должны тратить дорогое академическое время на кропотливый трудъ самостоятельнаго изученія новыхъ языковъ. Да и во время обученія въ семинаріи воспитанники также нуждаются въ знаніи новыхъ языковъ, какъ вспомогатель-

ныхъ предметовъ для изученія богословскихъ наукъ. Напр. при изученіи основнаго богословія, гдѣ разбираются взгляды на религію разныхъ западныхъ мыслителей, было бы очень полезно воспитанникамъ прочесть сочиненія этихъ мыслителей хотя бы въ отрывкахъ, а также наиболѣе цѣнныя апологетическія изслѣдованія на иностранныхъ языкахъ. Точно также и при изученіи обличительнаго богословія, критикующаго западныя инославныя исповѣданія, не бесполезно было бы познакомиться съ символическими книгами этихъ исповѣданій въ подлинникахъ и съ имѣющимися въ западной богословской литературѣ выдающимися научными трудами по разбору вѣроисповѣдныхъ разностей. Наконецъ, и по окончаніи курса, ставши священниками, воспитанники семинаріи могли бы воспользоваться знаніемъ новыхъ языковъ въ интересахъ пастырской дѣятельности. Благодаря этому знакомству они владѣли бы ключемъ къ глубоко интересному и поучительному міру западнаго богословія и западной церковной жизни. Знакомство съ этимъ міромъ раздвинуло бы горизонтъ мысли нашихъ пастырей, лучше освѣтило бы положеніе православной церкви и научило многому хорошему, что есть въ западныхъ церквахъ и что не мѣшало бы позаимствовать и намъ. Устраняясь же отъ западнаго міра и замыкаясь въ сферѣ собственныхъ традиціонныхъ взглядовъ и порядковъ, наши пастыри тѣмъ самымъ обрекаютъ себя на застои, рутину, шаблонность, и постепенно дѣлаются неспособными стать во главѣ умственной духовной жизни общества. Замѣчательно, что св. апостолы предъ выступленіемъ на проповѣдь получили отъ Св. Духа въ день Пятидесятницы даръ языковъ, который и облегчилъ имъ возможность проповѣди. Нынѣшній семинарскій уставъ, забывъ этотъ примѣчательный фактъ апостольской исторіи, не считаетъ нужнымъ снабдить будущихъ пастырей православной церкви даромъ языковъ, какъ будто эти пастыри не имѣютъ уже миссіи распространять православное христіанство среди другихъ народовъ, и въ томъ числѣ инославныхъ христіанъ, не будутъ вступать въ общеніе съ ними и не будутъ вынуждены защищать отъ ихъ пропаганды своихъ духовныхъ чадъ. Дискредитировавъ новые языки, семинарскій уставъ допустилъ несомнѣнно крупную ошибку, принесшую не мало вреда и богословскому образованію въ Рос-

си и православно-русскому духовенству. Эту ошибку давно пора исправить, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. По крайней мѣрѣ отъ новаго семинарскаго устава православное духовенство въ правѣ требовать, чтобы онъ возстановилъ достоинство новыхъ языковъ и сдѣлалъ ихъ обязательными предметами семинарскаго курса, по примѣру прежняго устава 1867 года.

Необходимые для изученія новыхъ языковъ часы класнаго времени могутъ быть позаимствованы главнымъ образомъ у классическихъ языковъ. Кромѣ того въ семинарскомъ курсѣ по нынѣшнему уставу имѣется одинъ предметъ, бесполезно отнимающій два недѣльные часа, которые также могли бы быть отданы новымъ языкамъ. Предметъ этотъ—библейская исторія. Библейская исторія, не смотря на глубокой интересъ научнаго изученія ея, основаннаго на историко-филологическомъ анализѣ библейскихъ данныхъ и критическомъ разборѣ взглядовъ рационалистическаго богословія, является однако въ условіяхъ семинарскаго преподаванія предметомъ безъ спеціальнаго содержанія и повторяетъ лишь то, что дается на урокахъ св. исторіи въ духовныхъ училищахъ и св. писанія въ семинаріяхъ. Иначе и быть не можетъ, такъ какъ при двухъ недѣльныхъ урокахъ и широкомъ объемѣ библейской исторіи по необходимости приходится ограничиваться краткими и извѣстными уже священно-историческими очерками. Притомъ же научная постановка преподаванія библейской исторіи, которая одна только и можетъ сообщить этому предмету характеръ новизны и интереса, требуетъ отъ воспитанниковъ филологическихъ знаній, богословско—философскаго образованія, вдумчивой анализирующей мысли. А все эти условія недостижимыя въ семинаріяхъ. Поэтому библейская исторія можетъ быть предметомъ скорѣе высшаго богословскаго образованія, чѣмъ средняго. Во всякомъ случаѣ преподаваніе ея въ духовныхъ семинаріяхъ въ настоящее время не приноситъ пользы и, если она будетъ исключена изъ семинарскаго курса, никакого ущерба для богословскаго образованія воспитанниковъ семинаріи отсюда не произойдетъ. Въ виду же необходимости экономіи учебнаго времени для увеличенія уроковъ по другимъ семинарскимъ предметамъ, это исключеніе является прямо желательнымъ.

Изложенный сравнительный очеркъ семинарскихъ уставовъ 1867 и 1884 г. г. показываетъ, что нынѣшній уставъ имѣеть нѣкоторыя преимущества предъ прежнимъ уставомъ, но въ то же время во многомъ и уступаетъ ему. Отсюда задачей новаго семинарскаго устава является удержаніе и дальнѣйшее развитіе указанныхъ преимуществъ дѣйствующаго устава и съ другой стороны возстановленіе прежняго устава въ тѣхъ его отдѣлахъ, которыми онъ выгодно отличается отъ нынѣшняго устава. И мы думаемъ, что если бы эта задача была выполнена новымъ уставомъ, то явилась бы довольно крупная реформа духовныхъ семинарій, которая, не устраняя всѣхъ недостатковъ семинарскаго образованія и воспитанія, все-таки послужила бы къ несомнѣнному благоустройству нашихъ духовныхъ семинарій.

А. К.
